

Болтовская Елена Александровна

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

(г. Могилев, Беларусь)

baltouskaya@list.ru

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА АНАТОЛИЯ АВРУТИНА

Статья посвящена описанию лексических средств представления оппозиции «свой – чужой» в русскоязычных текстах современного белорусского поэта А. Аврутина. Автор обращает внимание на выявление национальной специфики объективации исследуемого концепта, на возможность пересечения нескольких типов идентификации «своего» в художественной картине мира: религиозного и философского.

Ключевые слова: оппозиция «свой – чужой», художественная картина мира, русскоязычная поэзия Беларуси, А. Аврутин

The article is devoted to the description of the lexical means of representing the opposition “own – alien” in the Russian-language texts of the modern Belarusian poet A. Avrutin. The author draws attention to the identification of national specifics of objectification of the studied concept. He also emphasizes the possibility of the intersection of several types of identification of “own” (religious and philosophical) in the art picture of the world.

Keywords: opposition “own – alien”, art picture of the world, Russian-language poetry of Belarus, A. Avrutin

Один из наиболее известных современных поэтов Беларуси Анатолий Аврутин (род. в 1948 г. в Минске) очерчивает широкий круг «своих» для лирического героя, относя к ним, помимо матери [1, с. 21] и домочадцев [1, с. 27], Юрку, тётю Клаву [1, с. 36], *забывтый народ* [1, с. 15], умных [1, с. 15],

мужичка, / Что с полочки ночует в бурьяне / И всё шарит бутылку... (он же *Михеич; смурной мужичонка*) [1, с. 15–16], женщину [1, с. 21], русских женщин [1, с. 23], гостя [1, с. 19], сапожника, *в сорок пятом* чинившего бесплатно мужскую обувь без пары [1, с. 21–22], Бога [1, с. 12], Христа [1, с. 27], великого князя Владимира Мономаха, перед которым *преемники дали-то маху* [1, с. 16], императора *в чёрной раме* [1, с. 25], путника [1, с. 21], нищих [1, с. 29–30], целую плеяду русских писателей (Ф. И. Тютчева, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, С. А. Есенина, Б. Л. Пастернака [1, с. 17], Л. Н. Толстого [1, с. 23], А. А. Блока, А. А. Ахматову, К. Д. Бальмонта, Н. С. Гумилёва [1, с. 25]): *Я чаще там, где профиль Анны, / Где Блок, стремящийся на фронт, / Где мне рукой махнёт жеманно / Худой, взьерошенный Бальмонт* [1, с. 25]. По образному выражению поэтессы В. П. Поликаниной, «он как будто дорабатывает в этом мире и за Пастернака, и за Ахматову, и за Мандельштама. Может, он просто не успел родиться тогда, в милую его сердцу эпоху поэтов “серебряного века”, и вот теперь скитается в поисках своих смыслов и своего читателя?..» [2, с. 45].

А.Н. Андреев, раскрывая вопрос о поэтических традициях в творчестве поэта, замечает, что «тяготение Аврутина к словесным формулам, скрытый, подспудный аналитизм, порождающий некрикливое и непафосное философское изумление (которому к лицу и ненапыщенная религиозность: тоже веяние времени), уснащённое многомерностью отточий, – всё это обновление традиции русской поэзии “золотого века”» [3, с. 31].

Граница (или *предел*: *Стою у русского предела, / Где Бог не терпит суеты* [1, с. 33]) между реальным и ирреальным миром в аврутинских текстах – *зеркало* [1, с. 13], *зеркальное стекло* [1, с. 27], *злая трещинка* на стенке [1, с. 31]. Автору интересны «те фрагменты реальности, где противоположности скрещиваются и, как им и положено, переходят друг в друга (переворачиваются)» [3, с. 36]. Типично русское пространственное понятие *простор* [1, с. 30, с. 33] символизирует у поэта нечто большее, чем сама вечность, что подчёркивается окказиональной формой компаратива: *Остывшим телом – в белизну простынь, / В немой простор, что вечности бездонней* [1, с. 33].

В. В. Гниломёдов, прослеживая творческую эволюцию А. Аврутина, отмечает: «Уже в первых книгах поэзия становится у него, как и у многих других поэтов его поколения, средством выразить себя, но теперь одного самовыражения оказывается недостаточно, горизонты видения и познания намного расширяются. Его поэзия вбирает в себя целые пласты культуры, человеческого опыта, опыт истории, ощущение природы включает философское осмысление вечных тем. Экспрессия и страсть свойственны ему, как и раньше, но вместе с тем проявляется и нечто новое: мысль и чувство становятся философичнее» [4, с. 95–96].

К «чужим» А. Аврутин причисляет врага [1, с. 20, с. 40], недруга, который *не может без гадости колкой* [1, с. 35], лгунов и предателей (они же *собратья*

Иуде) [1, с. 26, с. 40], дураков [1, с. 15], тех, кто звал Отчизну к топору [1, с. 42], басурмана, Антихриста, монахов, которые крадут [1, с. 29], божьих служек: *Я божьим служкам Бога не отдам...* [1, с. 12]. Субъект высказывания отчётливо отделяет веру от религии, не доверяя церковнослужителям. «Чужой» воспринимается им как такой враждебный, с которым лучше не связываться, придерживаясь при этом индивидуального избранного пути, пути странника, пути Поэта, который завершится рядом с божественным: *Есть родимая стежка – одна среди тысяч дорог. / Подарю на прощанье крестьянке простое колечко, / И уйду навсегда в тот простор, где лишь ветер и Бог* [1, с. 30].

К «чужим», как ни странно, в некоторой степени относятся и другие поэты. В стихотворении «Нерон», написанном от лица римского императора, есть такие строки: *Враг поэта – поэт! / Так подайте мне череп Сенеки! / Пусть коварный Петроний / Не встанет с кровавой земли <... > Оболгут, предадут... / Те, кто оды слагал, – / Прежде всех...* [1, с. 40]. Конечно, они вложены в уста исторической личности, известной своей жестокостью по отношению даже к собственной матери, но ревность к именитым собратьям по перу в той или иной степени присуща и самому автору, иначе, на наш взгляд, он так нарочито не подчёркивал бы исключительно русскую направленность своей поэзии: *В «пятой графе», где о национальности / Воют анкеты с наркомовских лет, / Я б начертал, презирая банальности, / Гневно-торжественно: «Русский поэт»* [1, с. 19]. Как утверждает А. Н. Андреев, «таков поэтический контекст, в котором видит и мыслит себя Аврутин. Он окружён поэтами-друзьями, поэтами-соперниками, поэтами-«врагами». Поэзия не вчера появилась в мире, это вечная спутница задумавшегося странника. Аврутин прав: не потянешься к вечному – погрязнешь в сиюминутном» [3, с. 35].

Поэт, литературный критик Ю.М. Сапожков считает, что «ощущение “божественной двойности” мира (выражение Аврутина), его на глазах меняющейся полярности, его два в одном и одно в двух, его оксюмороны типа далёкая близь и близкая даль – всё это присуще поэту-диалектику» [5, с. 65]. *В одном лице – и жертва, и палач... / В одном лице – и горе, и потеха. / Задорный смех, в котором горький плач, / И горький плач, в котором столько смеха. / Вода и пламень... Узник и судьба... / Кандальник, но с походкой конвоира, / Святой и грешник... Многоликий Я, – / Кумир для низвергающих кумира. / И что мне судьбы? – Есть же Высший Суд! / Что Высший Суд? – Ведь сам я правлю миром. / Я тот, кого вовеки не спасут / Ни сатана, ни ангел в платье сиром* [1, с. 12]. Отрывок из этого стихотворения выступает в качестве примера «перевёртышей», к которым тянется А. Аврутин в силу осознания амбивалентной природы вещей. Об этом же свойстве аврутинской лирики пишет литературный критик, писатель, публицист Н. М. Коняев: «Угадываемый смысл двойится в стихах Аврутина, размывается, неразличимыми становятся сущность и её отображение, сущность и её отрицание» [6, с. 155].

В.Г. Фильде определила, что «...идентификация «своего» в мифологическом типе оппозиции происходит через связь с общиной; в религиозном – через связь с Абсолютом; в тоталитарно-религиозном – через принадлежность религиозной или политической группе; философский тип оппозиции выявляет процесс самоидентификации Я через осознание наличия и отличия Другого» [7, с. 49]. На наш взгляд, тип восприятия оппозиции «свой – чужой» субъектом высказывания в поэтических текстах А. Аврутина можно условно назвать религиозно-философским.

В результате анализа стихотворений А. Аврутина, размещённых в сборнике [1], мы пришли к выводу о том, что идентификация «своих» или «чужих» определяется автором в большинстве случаев наличием или отсутствием связи с некоторой общностью людей. Это может быть кровное, семейное родство (например, мать, домочадцы) или люди, к которым имеется или имела эмоциональная привязанность (например, Юрка, тётя Клава), люди, действия которых положительно или отрицательно оцениваются (например, в первом случае – многие русские писатели «серебряного» и «золотого» века, а во втором – луны, предатели, церковнослужители); референтами членов оппозиции также могут выступать ментальные сущности (например, Бог, Антихрист). Восприятие субъектом лирического высказывания концепта «свой – чужой» в художественной картине мира А. Аврутина тяготеет к религиозно-философскому типу, с направленностью на преимущественное исследование «своего» (русского; имеющего отношение к литературному творчеству).

Литература

1. Исповедь: русскоязычная поэзия Беларуси (конец XX – начало XXI века) / сост. Т. Ф. Рослик. – Минск : БелЭн, 2010. – 280 с.
2. Поликанина, В. «Но дышать, как хочется дышать по другую сторону дышанья...»: наброски к портрету Анатолия Аврутина / В. Поликанина // Анатолий Аврутин: судьба и творчество / сост. А. Н. Андреев, Л. Ф. Анцух. – Минск : Четыре четверти, 2008. – С. 40–55.
3. Андреев, А. Осколки целого... поэзия... гармония: концептуальные заметки о поэзии Анатолия Аврутина / А. Андреев // Анатолий Аврутин: судьба и творчество / сост. А. Н. Андреев, Л. Ф. Анцух. – Минск : Четыре четверти, 2008. – С. 16–39.
4. Гниломёдов, В. Три времени Анатолия Аврутина / В. Гниломёдов // Анатолий Аврутин: судьба и творчество / сост. А. Н. Андреев, Л. Ф. Анцух. – Минск : Четыре четверти, 2008. – С. 82–106.
5. Сапожков, Ю. Солнце второй половины дня: Коперник или муж Марии Ивановны? / Ю. Сапожков // Анатолий Аврутин: судьба и творчество / сост. А. Н. Андреев, Л. Ф. Анцух. – Минск : Четыре четверти, 2008. – С. 56–81.
6. Коняев, Н. Чтоб русскую пластинку завести и по-еврейски горестно заплакать... / Н. Коняев // Анатолий Аврутин: судьба и творчество / сост. А. Н. Андреев, Л. Ф. Анцух. – Минск : Четыре четверти, 2008. – С. 152–163.
7. Фильде, В. Г. Оппозиция «свой – чужой» в культуре : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / В. Г. Фильде. – Омск, 2015. – 152 с.